

**К ПРЕДЫСТОРИИ НОВОВВЕДЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ
(В.М. ТЯПКИН НА ПОХОРОНАХ ЯНА II КАЗИМИРА
И МИХАИЛА ВИШНЕВЕЦКОГО)**

**Арсений Владимирович
Богатырёв –**

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теологии, философии, истории,
Поволжский православный институт
имени Святителя Алексия,
митрополита Московского
Почтовый адрес: Юбилейная, 59, Тольятти,
Самарская область, 445028, Россия
Электронный адрес: sob1676@yandex.ru

Аннотация

Дискуссионным остается вопрос о том, что конкретно послужило образцом для изменения ритуальных норм в русле прозападного курса петровских и более поздних времен. Высказывалось предположение: первая содержательная информация об отдельных сторонах западного (королевского) похоронного обряда попала в руки избранных россиян вместе с описанием траурной процессии 1558–1559 гг. императора Священной Римской империи Карла V. В статье доказывается: больше удобных для восприятия сведений давали донесения руководству Посольского приказа московского представителя в Речи Посполитой В.М. Тяпкина, побывавшего на погребальных мероприятиях Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого (1674, 1676 гг.). Заслуживающий внимания пример в российской дипломатической практике, эти записи расширили знания наиболее прогрессивных российских кругов об анатомических аспектах погребального ритуала, составе его участников, использовании в нем государственных символов, военной атрибутики, музыкального сопровождения и т.д. Многие из перечисленного у резидента затем нашло воплощение в устроенных по-западному проходах соратника Петра I Франца Лефорта, в «печальных торжествах» XVIII и отчасти XIX столетий. Донесения московского дипломата дополняют описания траурных обрядов 1674 и 1676 гг., тщательное расписывание всех процедур позволяет предполагать, что Тяпкин пользовался какими-то готовыми материалами, которые действительно имелись. В целом изобиловавшие подробностями сообщения резидента предвосхитили ряд новаций Петра I и его последователей и показали, что у реформ в похоронной сфере мог быть польско-литовский первоисточник.

Ключевые слова

Погребальный обряд, Россия, Речь Посполитая, погребение королей Яна II Казимира и Михаила Корибута Вишневецкого, В.М. Тяпкин, реформы Петра I, “*rompra funebris*” Ф.Я. Лефорта.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

THE PREHISTORY OF INNOVATIONS IN THE RUSSIAN FUNERAL CEREMONY (VASILY M. TYAPKIN AT THE BURIAL OF JAN II KAZIMIERZ AND MICHAŁ WIŚNIOWIECKI)

Arseniy V. Bogatyrev

Ph.D., Associate Professor,
Department of Theology, Philosophy, History,
Volga Orthodox Institute of St. Alexis,
Metropolitan of Moscow
Postal address: Iubileinaia 59, Togliatti,
Samara oblast, 445028, Russia
E-mail: sob1676@yandex.ru

Abstract

There is an opinion that the first detailed description of certain aspects of the Western (royal) funeral rite appeared in Russia along with a description of the funeral procession in 1558–1559 of the Holy Roman Emperor Charles V. Much more information contain reports of the Russian diplomat Vasily M. Tyapkin, who visited the burial of Kings Jan II Kazimierz and Michał Wiśniowiecki in Rzeczpospolita (1674, 1676). A unique example in Russian diplomatic practice of the age, these recordings expanded the ideas of the anatomical aspects of the funeral ritual, its public character, the use of state symbols, military paraphernalia, music, etc. Many of the things listed by the resident were used later in the Western-style funerals of Peter the Great's associate Franz Lefort, in the "sad ceremonies" as a whole of the eighteenth and partly nineteenth centuries. This Moscow diplomat's information also complements sources, in particular, on some aspects of the action with the heart of King Michał. The thoroughness of fixing all the procedures suggests that Tyapkin used some ready-made sources of information, which really existed. Tyapkin's reports, which were abundant in details, anticipated many innovations of Peter I and his followers, showed that Peter's reforms of the funeral ritual could have a Polish-Lithuanian source.

Keywords

Burial ritual, native culture and borrowed culture, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, funeral of Kings Jan II Kazimierz and Michał Korybut Wiśniowiecki, Vasily M. Tyapkin, Peter the Great's reforms, Franz Lefort's "pompa funebris".

Received 25 February 2019.

В 1699 г. в Москве, в Немецкой слободе провожали в последний путь ("pompa funebris") видного деятеля XVII века Ф.Я. Лефорта. Образно выражаясь, хоронили не только одного из сподвижников Петра I, но и старомосковские традиции: впервые похороны проходили на западный манер, лишившись немалой части присущих старине «жалобных» обычаев. Состоявшееся позже в 1715 г. погребение Шарлотты-Христины-Софии, жены царевича Алексея Петровича, было преисполнено невиданной «басурманской» торжественности. Траурную службу отслужили спустя некоторое время после смерти персоны, для сохранения тела были применены навыки

бальзамирования, внутренние органы оказались извлечены. Не терпевший плача и стенаний Московской Руси, Петр Алексеевич запретил такие проявления скорби по покойной.

Так как «неизвестно, кто тогда консультировал будущего императора, и какими источниками пользовался сам Петр...»¹, многие внесенные коррективы ныне больше приписывают (аргументируя схожестью отдельных нюансов) протестантскому «порядку», с которым царь близко познакомился за рубежом, также отмечая шведские, французские и иные культурные «инвазии»². При этом совершенно сбрасывается со счетов другой вероятный «субстрат» для заимствования, продолжительное время существовавший близ российских границ, — польско-литовское государство Речь Посполитая.

В ходе исследовательской работы мы вышли на описание любопытных погребальных действ. Памятуя о кратком замечании С.И. Николаева относительно польского фактора³, автор настоящей статьи к нему присмотрелся. Побудил к этому и сравнительно недавний труд, в котором анализировалось влияние церемоний Речи Посполитой на традиции иных народов, на примере французского мемуариста XVII века де Отвиля (Gaspard de Tende)⁴. Что касается заинтересовавших нас текстов, то они являются частью документального комплекса российской резидентуры в Польско-Литовском государстве (1673–1677 гг.) В.М. Тяпкина, современника француза. Ему выпала честь стать очевидцем необычного⁵ события — прощания сразу с двумя монархами — Яном II Казимиром и Михаилом Корибутом Вишневецким в Кракове в 1676 г., перед коронацией нового короля Яна III Собеского⁶.

¹ Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Россия в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции / отв. ред. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 50.

² Там же; Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (дата обращения: 19.02.2019); Болотина Н.Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред: М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 23–32. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (дата обращения: 19.02.2019).

³ Николаев С.И. Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // редкол.: А.М. Панченко, В.М. Живов, С.И. Николаев, М.Б. Плюханова. Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 3. С. 591.

⁴ Manys B. Recepja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej o Polsce Gasparda de Tende'a // Sensus Historiae. 2014. Vol. XVI. 3. S. 37–47.

⁵ Wójcik Z. Jan Kazimierz Waza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997. S. 214.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Д. 161 а (161). Л. 533 об.–538 об.; там же. Д. 163; там же. Д. 178. Л. 36 об., 65.

Оповещает нас о вышеназванном прежде всего «статейный список» русского дипломата. Вместо пространной справки скажем — это своеобразный отчет о проделанной работе для правительства, государя, что подразумевает особое внимание к содержащейся в нем информации на самом «верху». Своего рода «дневник» Тяпкина как первого постоянного представителя России в Речи Посполитой, в отличие от документов предыдущих «краткосрочных» миссий, выделяется объемом, обстоятельностью изложения, придающими словам резидента «звучание», позволяющими передавать множество данных. Дополнением к отчету служат письма резидента, разного рода отписки, в которых находили место и «описи» церемониала.

Церемониальные дела вполне естественно вызывали интерес российских государей, проправительственных кругов, что видим по накоплению данной информации в фонде 156 Российского государственного архива древних актов. Нельзя не припомнить «Записку», подготовленную для царя Алексея Михайловича, содержащую, помимо прочего, изложение «избирательных» обрядов и коронавания польского государя⁷. Немало вестей такого толка вмещают целенаправленно составлявшиеся обзоры иностранной прессы куранты — 1650–1660-х годов⁸, уведомлявшие, например, о возложении «венца» на того же Михаила Вишневецкого (1669 г.). Конечно, всё это не было в отрыве от европейских тенденций, в чем убеждаемся на примере сочинения Иоганна Кристиана Люнига⁹; церемонии, банкеты, балеты не сходили со страниц знаменитого издания «Gazette»¹⁰. Иностранцы «ведомости» попадали к московскому властителю через внешнеполитическое ведомство, накапливались в «архивах» русских посольств, хотя бы небезызвестного П.И. Потемкина¹¹.

Следовательно, неверно думать, что в Россию совсем не проникало данных о западном, католическом погребальном обычае, куранты скрывают лексемы *погребание*, *погребение*, *-ье*¹². Тем не менее, в качестве

⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1861. Т. 3. С. 284–287, 289–292.

⁸ Вести-Куранты: 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / изд. подгот. В.Г. Демьянов; под ред. В.П. Вомперского. М.: Наука, 1996. С. 224; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам / исслед. и подгот. текстов Ингрид Майер. М.: Языки славянских культур, 2008. Ч. 2. С. 126, 127, 129, 130, 131.

⁹ *Lünig J.Ch. Theatrum Ceremoniale Historico-Policum, Oder Historisch- und Politischer Schau-Platz Aller Ceremonien, Welche bey Päbst- und Käyser-, auch Königlichen Wahlen und Crönungen... Ingleichen bey Grosser Herren und dero Gesandten Einholungen... beobachtet werden.* Leipzig: M.G. Weidmann, 1720. Bd. 2. S. 809; etc.

¹⁰ *Solomon H.M. Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France.* Princeton: Princeton University Press, 1972. P. 125; *Hennings J. Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725.* Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 84.

¹¹ Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М.: Советская Россия, 1988. С. 483.

¹² Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам. С. 725.

наиболее ранних осторожно предлагаются¹³ изображения сцен похорон императора Священной Римской империи Карла V Габсбурга в Брюсселе (1558–1559 гг.). Действо, запечатленное Н. Хогенбергом (копии произведения «стали известны при всех ведущих дворах Европы»¹⁴), содержит письменные комментарии к некоторым элементам «печального» обряда Запада¹⁵, но лишь у Тяпкина многое получает развернутое истолкование. Кроме того, это взгляд именно русского человека, стоящий во временном отношении гораздо ближе к петровской поре, что является одним из его преимуществ перед переводом с немецкого «чина» захоронения шведского короля Карла X Густава (1661 г.)¹⁶.

Долгое время редкие материалы пролежали в архивных недрах, пока в XIX столетии описание траурных шествий не заинтересовало П.И. Иванова, опубликовавшего его¹⁷. В то же время он опустил ряд частных, не указав листы из архивного дела, какие-то места в тексте требуют пояснений. Всё это делает необходимым внести уточнения в ссылки на публикацию, включить не вошедшие в нее пометки дипломата, дополняющие картину.

Уверенная последовательность изложения, которая бросается в глаза при чтении записей архива Тяпкина, может объясняться использованием им для подготовки собственного отчета уже имевшихся «фиксаций», созданных в связи со столь важным событием. Известие о «трауре» 1676 г. (его связь с докладом Тяпкина еще предстоит установить) наличествует между вестями-курантами¹⁸; сюда отнесем впечатления секретаря Яна III Косимо Брунетти¹⁹; поделились воспоминаниями о 1676 годе и другие «зрители» (назовем Яна Хризостома Пасека и Миколая Емеловского²⁰).

¹³ *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...; *Прокопьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий в Российской империи // *Российская история.* 2017. № 3. С. 61.

¹⁴ *Прокопьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий... С. 64.

¹⁵ Погребальное шествие в Брюсселе по случаю кончины Карла V. URL: https://www.hermitage-museum.org/wps/portal/hermitage/woa-search/?lng=ru#meta_author=1500-1539&meta_authoring_template=WOA (дата обращения: 19.02.2019).

¹⁶ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: русские тексты / изд. подгот. В.Г. Демьяновым при участии И.А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е.А. Подшивалова, С.М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Ч. 1. С. 32–33.

¹⁷ *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. М.: Тип. С. Селивановского, 1850. С. 306–309, 315–317.

¹⁸ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662, 1664–1670 гг.: иностранные оригиналы к русским текстам. С. 127.

¹⁹ *Chynczewska-Hennel T.* Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993. S. 192; *Rożek M.* Wawel i Skałka panteony polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1995. S. 299.

²⁰ *Pasek J.Ch.* Pamiętniki... z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Poznań: Nakł. J.J. Heinego, 1837. S. 251–252; *Jemiołowski M.* Pamiętnik..., obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679, spólcześnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1850. S. 247–248.

Тяпкин как непосредственный созерцатель происходившего в деталях доложил о случившемся, сохранив свидетельства среди бумаг, предназначенных московскому Престолу.

Вдумчиво исследовав отчеты Тяпкина, мы сразу отметили ряд важных совпадений с новшествами как петровской, так и более отдаленных эпох. Сопоставляя изображения проводов Карла V, тексты времен Речи Посполитой и материалы Тяпкина, привлекая ресурс литературы с доступными данными о похоронах наиболее известных россиян (в частности, Лефорта в изложении Г. Бассевиля через И.И. Голикова²¹), мы нашли немало общего с тем, что происходило в российском погребальном церемониале начиная с Петра I и, частично, вплоть до XIX века.

Глубоко погружаться в предмет польско-литовской и российской погребальной культуры ввиду обширности проблемы мы не будем, остановимся только на самых значимых, с нашей точки зрения, параллелях. Для этого возьмем за основу представления одного из первых исследователей смерти Роберта Герца, вычленявшего, наряду с прочим, такие структурные элементы погребального «обыкновения» как «тело» и «оплакивающие»²². Прежнее от нового в «черном» ритуале России помогут отделить труд Г.К. Котошихина, актуальное по времени извещение об «успении» Ивана V Алексеевича (1696 г.), а также обобщенные А.В. Терещенко сведения «заупокойного» характера²³.

Заинтересовавшие нас «скорбные» мероприятия, которые наблюдал Тяпкин, происходили в Кракове при обширном стечении народа. Но прежде был проведен обряд, которого не видно среди иллюстраций 1558 г., — вынос и захоронение сердца Михаила Вишневецкого в 1674 г.: «Из варшавской каплицы (часовни. — А. Б.) <...> было перенесение и погребение сердца [его] королевского величества и процессия со кресты и со образы чрез Варшаву, даже до кляштора (монастыря. — А. Б.) отцов Франциска-нов...»²⁴.

Нам не удалось отыскать упоминаний церемонии с сердцем в ныне опубликованных курантах, документальных свидетельствах о ней сохранилось немного. С. Чиж среди таковых называет «завещание» короля Михаила,

²¹ Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта. М.: В Университетской типографии, 1800. С. 170–174.

²² Мохов С.В. Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 3 (86). С. 176.

²³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Тип. Э. Праца, 1840. XVI, 160 с.; Объявление о кончине государя, царя и великого князя Иоанна Алексеевича и церемониал погребения его // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. Т. 3. С. 231–234; Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1848. Ч. 3. [2], 133 с.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 261 об.; Иванов П.И. Описание... С. 306.

в котором повелевается упокоить сердце государя в варшавской святыне²⁵, путь к которой проделал сам резидент. Наряду с этим исследовательница отсылает нас к историческому сочинению «хрониста» XVII в. Веспасиана Коховского “*Roczników Polski Klimakter...*”²⁶. Больше похожа на описание Тяпкина латинская запись в анналах ордена камальдулов²⁷. Вместе с тем, обычай создания на похороны сердца «меморий», которые могли бы стать подспорьем в научных поисках, еще не оформился (это произойдет в XVIII столетии²⁸). В свете вышеизложенного, значение «религии» россиянина возрастает.

Чудной для «московита» акт зафиксирован в красках и подробностях: «Сердце короля его милости перенесено было <...>, тогда <...> господин канцлер Великого княжества Литовского (Христофор Пац. — *А. Б.*) <...>, вступивши на рундук, взял на гробе с подушкою золотоголавною сердце королевского величества в ковчезе серебряном <...> и отдал до рук <...> ксендза бискупа (познанского епископа Стефана Вежбовского. — *А. Б.*). Приступил потом ко гробу староста Грабовецкий (Марек Матчиньский. — *А. Б.*), взял на гробе корону королевского величества, с подушкою златоголавною, и отдал <...> господину воеводе Сендомирскому (Яну А. Тарло. — *А. Б.*); скипетр подал <...> господину каштеляну Волынскому (Яну Ф. Любовецкому. — *А. Б.*); яблоко златое со крестом <...> господину каштеляну Черскому (Самуэлю С. Рудзиньскому. — *А. Б.*) на златоголавных же подушках...»²⁹.

Манипуляции с внутренностями «царственного» покойника — не особенность именно Речи Посполитой. Сердце короля во Франции, например, было частью мистерии, направленной на сохранение священного монаршего тела³⁰. Другое дело, в Польско-Литовском государстве происходило оформление традиции посмертного обращения с королевским органом, впервые церемониально извлеченным в связи с кончиной жены Сигизмунда III (прежде известен случай Владислава II Ягеллы)³¹. Важно, что московский резидент сберег для потомков один из эпизодов процесса становления данного «канона» уже в Речи Посполитой Обоих Народов.

Возвращаясь к российским реалиям: расписанное у Тяпкина можно считать предзнаменованием хирургических опытов петровской поры, по-

²⁵ *Czyż A.S.* O pochówkach serc Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz o nekropoli Paców w Pożajściu // *Biuletyn Historii Sztuki*. 2013. N 4. S. 673–675.

²⁶ *Ibid.* S. 673.

²⁷ *Mittarelli J.B., Costadoni A.* *Annales Camaldulenses ordinis sancti Benedicti... Venetiis: Jo. Baptistam Pasquali, 1764.* Т. 8. P. 426–429.

²⁸ *Estreicher K.* *Bibliografia Polska.* Kraków: Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1899. Т. XVII. S. 154–155.

²⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 265 об.-266 об.; *Иванов П.И.* Описание... С. 307.

³⁰ *Giesey R.E.* *The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France.* Genève: E. Droz, 1960. P. 20.

³¹ *Czyż A.S.* O pochówkach serc... S. 671, 672.

хоронных «изысков» XIX столетия. Именно в конце XVIII—XIX вв. сердца некоторых родовитых россиян принялись хоронить отдельно. Завещал подобное граф Н.М. Каменский; известна похожая история (скорее легенда) с М.И. Кутузовым и М.Б. Барклаем де Толли³². Разумеется, о прямом влиянии записок Тяпкина здесь говорить не приходится, однако сегодня они являются единственным письменным свидетельством того, что отдельные представители России были знакомы с указанным обычаем в 70-х годах XVII в.

Церемония «Сердца короля Михаила» сопровождалась произнесением «орации», явлением, нехарактерным для русской «жалобы» тех дней: «По святой же литургии имел казание (польск. *kazanie* означает моральное “слово”, надгробную проповедь. — *А. Б.*) <...> ксендз Волский (Францишек Вольский. — *А. Б.*) [рефермацкого закону чернец...], добрый казнодея...»³³. Представляется сомнительным, что россияне сумели бы вывести существование подобного из изображения похорон Карла V. Во всяком случае, собиратель примеров из российского быта А.В. Терещенко напоминает, что надгробных речей «московиты» на тот момент не знали³⁴ — это стало входить в моду с Петра Алексеевича³⁵. А вот в Речи Посполитой «выступления» над гробом умершего были в XVII—XVIII вв. обычным делом, тешили человеческое самолюбие, украшались строками из Св. Писания³⁶. Захоронение сердца закончилось «вложением» его в стену костела и торжественной трапезой.

Наконец, наступил день похорон непосредственно Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого. Зрим, по Герцу, «апофеоз» такого элемента погребальной «манifestации», как «тело». Останки короля Михаила, скончавшегося в 1673 г., были особым образом законсервированы. Тяпкин посвящает соотечественников в тонкости искусства обращения с умершими, приоткрывает премудрости пользования «мастми балсамными»³⁷. При этом «Словарь русского языка XVIII в.» информирует, что знакомство с отдельными аспектами технологии бальзамирования произошло не ранее 1729 г. (бальзам, средство для постмортальных практик, упоминается в 1709 г.)³⁸.

Далее трупы королей перевезли в Краков для соответствующих приготовлений: «И <...> было принесение телу из места, нарицаемого Клепара

³² Иванов О.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002. С. 347; Синдаловский Н.А. Санкт-Петербург: энциклопедия. СПб.: Норинт, 2008. С. 261; Талберг Ф. Барклай де Толли и Балтийский край. Рига: Фонд журнала «История Латвии», 2003. С. 28.

³³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. л. 265 об.; Иванов П.И. Описание... С. 307.

³⁴ Терещенко А.В. Быт русского народа... Ч. 3. С. 105. Объявление о кончине... С. 231–234.

³⁵ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 173–174; Логунова М.О. Печальные ритуалы...

³⁶ Chrościcki J.A. Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa: PWN, 1974. S. 73.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163. Л. 7 об.

³⁸ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л.: Наука, 1984. С. 134.

(польск. Klerarz. — *А. Б.*), до костела катедрального Святого Станислава в замок Краковской, двух государей преставлшихся Казимера и Михаила...»³⁹. Как подчеркивал Тяпкин, всё происходило не только на глазах достаточного числа мещан и шляхты, но и в присутствии иноземных дипломатов (французского посла)⁴⁰. Не исключено, что замечание резидента могло как-то сказаться на последующих «реформациях». Спустя более двух десятилетий такая «публичность» будет сопровождать отдание последних почестей Лефорту («Чрезвычайные послы цесарской и бранденбургской, а за ними резиденты и комиссары <...> в глубоком же троуре...»⁴¹), а затем станет обычной⁴².

Не обошлось без участия военных подразделений, маршировавших со своими знаменами. Есть они и на изображениях процессии Карла V⁴³, но Тяпкин особо концентрируется на этом, перечисляя «регименты»: «Мушкетеры несли мушкеты свои под пазухами левыми, оборотя дулами до земли... Пикинеры пики свои долгие несли, за самые концы копей взяв, а древка влекли по земле... За пехотами ехали хоронжие с хоруговми своими <...> В начале ехали хоругови: Краковская, Виленская, Русская (*Województwo ruskie. — А. Б.*), Масовецкая, Великополская, и прочих земель и воеводств и поветов...»⁴⁴.

«Ратная» составляющая в «скорбных» шествиях Речи Посполитой показала себя на прощании со Стефаном Баторием (1588 г.)⁴⁵, однако была в новинку русскому человеку, которому привычнее здесь видеть духовенство, знать, близких умершего, но не вооруженные отряды⁴⁶. Совершенно нет ничего подобного у Котошихина («Тогда <...> патриарх и власти, и попы и дьяконы, соберутся на царской двор... царица и царевичи и царевны, и бояре и ближние люди, и боярыни и многие жены...»⁴⁷), у Ивана V⁴⁸. Петр I, наконец, вписал военных в погребальный культ, явив их на похоронах Лефорта: «Три полка <...> солдат <...> шли по шесть человек в шеренге... пешие же офицеры <...> с алебардами <...> древки знамен увиты <...> черным же крепом, концы коего влеклися по земле...»⁴⁹. Традиция была

³⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 533 об.; *Иванов П.И.* Описание... С. 315.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 537; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁴¹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 173.

⁴² *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...; *Аронова А.А.* Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // *Искусствознание.* 2016. № 3. С. 99, 101–102.

⁴³ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 10–11.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 534 об.-535; *Иванов П.И.* Описание... С. 316.

⁴⁵ *Pogrzeb krola Stefana Batorego w Krakowie, dnia 23. Maja, 1588 // Starozytnosci historyczne polskie / A. Grabowski.* Kraków: Józef Czech, 1840. Т. 1. S. 68. S. 67–73.

⁴⁶ *Терещенко А.В.* Быт русского народа... Ч. 3. С. 104.

⁴⁷ *Котошихин Г.К.* О России... С. 16.

⁴⁸ Объявление о кончине... С. 231–234.

⁴⁹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 170–171; *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

продолжена — гренадеры состояли в траурном кортеже Прасковьи Ивановны в 1731 г.⁵⁰

Взглянем на «оплакивающих» — другой структурный «код» траурного «процесса». Сопровождающие умершего русского государя должны были громко причитать: «Все вместе <...> рыдающе и плачуще...»⁵¹. В случае 1676 г. вместо надгробного плача, отмененного в России при Петре⁵², «печальный» ход сопровождала музыка — «барабаны обшиты черными сукнами, струны подвязаны платками негромогласного ради гласа <...>. Ехали трубачи в черных плащах и шляпах немецких с трубами серебряными, трубили жалостно и тихо...»⁵³. Нельзя не заметить некоторого «соответствия» в оплакивании Лефорта: «Барабаны, прикрытые черною краскою, издавали глухой тон...»⁵⁴.

Вопрос о первых траурных оркестрах у нас спорен. Так, русский историк Е.Ф. Шмурло относил введение похоронной музыки к реформам Петра Алексеевича⁵⁵. Отмечается также, что на похоронах императрицы Елизаветы (1762 г.) был исполнен реквием⁵⁶, включают сюда и музыкальный аккомпанемент при погребении близкого Екатерине II Станислава Августа Понятовского⁵⁷, связывая траурные мелодии с музыкальной жизнью XVIII века⁵⁸. Информацию об участии музыкантов содержит и иллюстративный ряд церемонии Карла V⁵⁹, в то же время приведенный фрагмент из донесений Тяпкина может придать изысканиям новое движение.

Открытием стало для россиянина и использование лошадей, которые в самой России в рамках погребального культа были задействованы лишь в 1699 г.⁶⁰ Молчат о них Котошихин («И взяв царское тело пойдут с царского двора <...> несут царское тело попы...»⁶¹) и «регламент» царя Иоанна⁶². «Покойниковы парадныя лошади, веденныя конюшими под черным

⁵⁰ Болотина Н.Ю. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны... С. 23–32.

⁵¹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁵² Николаев С.И. Pompa funebris в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // *Euro Orientalis*. 1997. № 16. С. 182.

⁵³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 534 об.-535; Иванов П.И. Описание... С. 316.

⁵⁴ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 170.

⁵⁵ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2003. С. 670.

⁵⁶ Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л.: Гос. изд-во, Музсектор, 1925. Т. 2. Вып. 5. С. 121.

⁵⁷ Огаркова Н.А. Церемонии, празднества, музыка русского двора: XVIII — начало XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 105, 107.

⁵⁸ История русской музыки в десяти томах. Том 3: XVIII век. Часть 2 // Б.В. Доброхотов, Ю.В. Келдыш, А.В. Лебедева, Е.М. Левашов, О.Е. Левашова, А.В. Полехин, А.М. Соколова. М.: Музыка, 1985. С. 113.

⁵⁹ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 2.

⁶⁰ Логунова М.О. Печальные ритуалы...

⁶¹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁶² Объявление о кончине... С. 231–234.

сукном...»⁶³, возникают уже у Лефорта. Между тем в польско-литовском обряде кони, предсказатели смерти, давно сопутствовали королям на “*via mortis*”⁶⁴, чему и стал свидетелем Тяпкин: «Тела везли обоих государей на едином возе шести конми, которые были закрыты в каптурах (польск. *karciug*, «покрытие». — *А. Б.*) червчатых бархатных, даже от голов и до ног...»⁶⁵. На Западе конное сопровождение катафалка было вполне рядовым делом, взять хотя бы похороны Фридриха III Габсбурга (1440–1493) — животные символизировали подконтрольные ему земли⁶⁶. Находим их и среди изображений 1558 г.⁶⁷; напротив, у Тяпкина мы наблюдаем восприятие данной детали конкретно русским человеком XVII века.

Вспоминая события 1676 г., нужно упомянуть о еще одной петровской «инновации»: “*castrum doloris*”, «холме скорби» (пышно украшенном одре). Нечто такое вписано в сцену проводов Карла V под названием «пылающая капелла» (фр. *chapelle ardente*)⁶⁸, однако неясно, насколько верно интерпретировали русские читатели надписи и рисунки из творения Хогенберга. Относительно предмета Котошихин замечал только: «Стоит его царское тело в его царской церкви...»⁶⁹. Имеется утверждение, что первый раз подобное соорудили на похоронах царицы Прасковьи Федоровны в 1723 г., тогда “*castrum doloris*” нашел воплощение в образе «печальной комнаты»⁷⁰. М.О. Логунова сообщает, что специальные сооружения для тела покойного, демонстрировавшие его высокий социальный статус, были известны в Европе XVII–XVIII вв., в России они появились при Петре I⁷¹. Но уже в докладе Тяпкина — «егда на замок приидоша, тогда тела их, государей, постановише на рундук, которой устроен был посреде костела и украшен зело и высок постановлен...»⁷². Так в записи резидента попали “*majestat*”, на который в Речи Посполитой устанавливали гроб, а также соответствующий траурный декор⁷³.

Прощание с Яном II Казимиром и Михаилом Вишневецким происходило своеобразно: «А при погребении открывали гробы их, государские <...>

⁶³ Голиков И.И. Историческое изображение... С. 171.

⁶⁴ *Dyakowski B.* Koń, towarzysz człowieka. Warszawa: Wydaw. M. Arcta, 1911. S. 163–167; *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921. S. 17–18.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 178. Л. 82; Иванов П.И. Описание... С. 316.

⁶⁶ Левченко И.Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. 2009. № 4. С. 160.

⁶⁷ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 19–20.

⁶⁸ Там же. Л. 1.

⁶⁹ Котошихин Г.К. О России... С. 16.

⁷⁰ Аронова А.А. Последнее торжество... С. 100.

⁷¹ Логунова М.О. Траурный церемониал в Российской империи // Власть. 2010. № 3. С. 113; Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого...

⁷² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 537 об.; Иванов П.И. Описание... С. 317.

⁷³ *Chrościcki J.A.* Pompa funebris... S. 183, 185.

канцлеры и подканцлеры печати государственные и подскарбии ключи скарбовые кидали в гробы, и маршалки великие и надворные обоих народов ломали ляски и бросали там же обломки, знаменуячи отдание последнее свое служение тем своим умершим государем...»⁷⁴. Тяпкин засвидетельствовал известный ритуал, маршальские жезлы («ляски») являлись знаками могущества, а их уничтожение было жестом слабости перед лицом королевского величия⁷⁵.

В России же символ власти, корона, хотя и клался в царский «саркофаг»⁷⁶, но не использовался в похоронном шествии: «И возложат <...> все <...> одеяние, и корону положат во гроб...»⁷⁷. Позже под державной рукой Петра I скипетр, «яблоко», короны, иногда щит и мечи⁷⁸ все-таки заняли полагающееся им место в «черных» мероприятиях. В «чине» Лефорта участвовали «семь офицеров, несших на... бархатных подушках <...> золотыя шпоры, перчатки, шпагу, шишак, латы, щит и трость...»⁷⁹. Королевские инсигнии видим на похоронах Карла V⁸⁰, имелись они и на зафиксированной у Тяпкина церемонии в Кракове — «и несли обоих умерших государей короны, и скиптры («скифетры», скипетры — *А. Б.*), и яблоки златые...»⁸¹.

Завершилось всё феерией, которой почтили и Лефорта («Выстрелено из 101 пушки, и от поставленного вокруг могилы строем войска трикратно из ружей беглым огнем...»)⁸², — салютом в честь покойных: «По погребении же тех государей, пехота давала огня из мушкетов, из пушек стрельба была множественная в трех городех, в начале в замку, на Кленаре (Клепаре. — *А. Б.*), на Казимере...»⁸³. Троекратный салют вошел в исследования⁸⁴, московский же резидент умолчал о вдохновенном «прощальном слове» краковского епископа Анджея Тшебицкого, впечатлившем Емеловского⁸⁵.

Содержательные донесения Тяпкина передают нам тщательно составленное описание одного из символических событий в истории Речи Посполитой — проводов в последний путь Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого, становясь еще одним источником об этом фрагменте прошлого.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 538; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁷⁵ *Mielnik P.* Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego // *Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy*. 2015. Т. 15. S. 78.

⁷⁶ *Терещенко А.В.* Быт русского народа... С. 104.

⁷⁷ *Котошихин Г.К.* О России... С. 15–16.

⁷⁸ *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

⁷⁹ *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 172.

⁸⁰ Погребальное шествие в Брюсселе... Л. 34.

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 536; *Иванов П.И.* Описание... С. 316.

⁸² *Голиков И.И.* Историческое изображение... С. 174; *Логунова М.О.* Печальные ритуалы...

⁸³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а. Л. 538; *Иванов П.И.* Описание... С. 317.

⁸⁴ *Rożek M.* Uroczystości w barokowym Krakowie. Kraków: Wydaw. Literackie, 1976. S. 130; *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice: Wydaw. Śląsk, 1984. S. 285.

⁸⁵ *Jemiołowski M.* Pamiętnik... S. 248–255.

В отличие от французского современника, де Отвиля⁸⁶, резидент включил в свои документы подробное изложение траурных обрядов, сделав их более доступными некоторым из своих соотечественников.

Как видим, ко времени петровских реформ в погребальном деле в России уже имелась определенная база, на которой в дальнейшем могла основываться новая погребальная обрядность. Безусловно, то, что было введено Петром I, проистекало во многом из протестантской традиции⁸⁷. Мы же, ссылаясь на Тяпкина, говорим несколько об ином — для образованных государственных допетровской поры грядущие перемены не были чем-то столь уж экстравагантным и совершенно новым, благодаря, в том числе, «реляциям» российской резидентуры в Речи Посполитой.

Литература

1. *Аронова А.А.* Последнее торжество императрицы Елизаветы Петровны // Искусствознание. 2016. № 3. С. 98–135.
2. *Болотина Н.Ю.* Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / отв. ред.: М.В. Лескинен, О.В. Хаванова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 23–32. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (дата обращения: 19.02.2019).
3. *Иванов О.А.* Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в Москве. М.: Сварог и К, 2002.
4. История русской музыки в десяти томах. Том 3: XVIII век. Часть 2 // Б.В. Доброхотов, Ю.В. Келдыш, А.В. Лебедева, Е.М. Левашов, О.Е. Левашова, А.В. Полехин, А.М. Соколова. М.: Музыка, 1985.
5. *Левченко И.Е.* Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. 2009. № 4. С. 158–165.
6. *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 272 с. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (дата обращения: 19.02.2019).
7. *Логунова М.О.* Траурный церемониал в Российской империи // Власть. 2010. № 3. С. 111–115.
8. *Мохов С.В.* Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 9. № 3 (86). С. 171–188.
9. *Николаев С.И.* Pompa funebris в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // Europa Orientalis. 1997. № 16. С. 179–188.
10. *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // редкол.: Панченко А.М., Живов В.М., Николаев С.И., Плюханова М.Б. Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 3. С. 584–594.

⁸⁶ *Manuś V.* Recepcja obrzędowości... S. 46.

⁸⁷ *Прокорьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий... С. 60, 61, 62.

11. *Огаркова Н.А.* Церемонии, празднества, музыка русского двора: XVIII — начало XIX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
12. Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценках русских мыслителей и исследователей. СПб.: РХГИ, 2003.
13. *Прокопьев А.Ю.* 1725 г. и опыт мемориальных изданий в Российской империи // Российская история. 2017. № 3. С. 59–79.
14. *Прокопьев А.Ю.* Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Россия в первой четверти XVIII в.: материалы международной научной конференции / отв. ред. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 47–67.
15. *Талберг Ф.* Барклай де Толли и Балтийский край. Рига: Фонд журнала «История Латвии», 2003.
16. *Chrościcki J.A.* Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa: PWN, 1974.
17. *Chynczewska-Hennel T.* Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1993.
18. *Czyż A.S.* О похówках серс Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz о nekropoli Paców w Pożajściu // Biuletyn Historii Sztuki. 2013. N 4. S. 671–696.
19. *Giesey R.E.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève: E. Droz, 1960.
20. *Hennings J.* Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
21. *Manys B.* Recepcja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej о Polsce Gasparda de Tende’a // Sensus Historiae. 2014. Vol. XVI. 3. S. 37–47.
22. *Mielnik P.* Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. 2015. T. 15. S. 75–94.
23. *Rożek M.* Uroczystości w barokowym Krakowie. Kraków: Wydaw. Literackie, 1976.
24. *Rożek M.* Wawel i Skalka panteony polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1995.
25. *Solomon H.M.* Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France. Princeton: Princeton University Press, 1972.
26. *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice: Wydaw. Śląsk, 1984.
27. *Wójcik Z.* Jan Kazimierz Waza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1997.

References

1. Aronova, A.A., 2016. Poslednee torzhestvo imperatritsy Elizavety Petrovny [The last triumph of Empress Elizabeth]. *Iskusstvoznanie*, N 3, pp. 98–135.
2. Bolotina, N.Iu, 2015. Poslednii put’ tsarevnyi Praskov’i Ivanovny: tseremonial pohoron chlena imperatorskoi familii Romanovyh [The last journey of Princess Praskovya Ivanovna: the funeral ceremony of a member of the imperial family]

- of the Romanovs]. In: Leskinen, M.V., Khavanova, O.V., eds, 2016. *Romanovy v doroge: puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the Road: Voyages and Journeys of Members of the Royal Family in Russia and Abroad]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 23–32. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5000993276> (accessed: 19.02.2019).
3. Chrościcki, J.A., 1974. *Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej*. Warszawa: PWN.
  4. Chynczewska-Hennel, T., 1993. *Rzeczpospolita XVII wieku w oczach cudzoziemców*. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
  5. Czyż, A.S., 2013. O pochówkach serc Michała Korybuta Wiśniowieckiego i Klary Izabelli de Mailly-Lascaris Pacowej oraz o nekropoli Paców w Pożajściu. *Biuletyn Historii Sztuki*, 4, pp. 671–696.
  6. Giesey, R.E., 1960. *The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France*. Genève: E. Droz.
  7. Hennings, J., 2016. *Russia and courtly Europe. Ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725*. Cambridge: Cambridge University Press.
  8. Ivanov, O.A., 2002. *Graf Aleksei Grigor'evich Orlov-Chesmenskii v Moskve* [Count Alexei G. Orlov-Chesmensky in Moscow]. Moscow: Svarog i K.
  9. Levchenko, I.E., 2009. Pogrebal'nye praktiki (istoriko-sotsiologicheskii ekskurs) [Funerary practices (historical and sociological excursion)]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, pp. 158–165.
  10. Logunova, M.O., 2010. Traurnyi tseremonial v Rossiyskoi imperii [Mourning ceremony in the Russian Empire]. *Vlast'*, 3, pp. 111–115.
  11. Logunova, M.O., 2011. *Pechaln'ye ritually imperatorskoi Rossii* [The sad rituals of imperial Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf. [online]. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5457046141> (accessed: 19.02.2019).
  12. Manyś, B., 2014. Recepja obrzędowości dworu polskiego w świetle Relacji historycznej o Polsce Gasparda de Tende'a. *Sensus Historiae*, XVI, 3, pp. 37–47.
  13. Mielnik, P., 2015. Laska marszałkowska w świetle wybranych źródeł ikonograficznych Sejmu polskiego. *Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy*, 15, pp. 75–94.
  14. Mokhov, S.V., 2016. Smert' kak problema issledovaniia v sotsial'noi i istoricheskoi antropologii: genezis idei [Death as a research problem in social and historical anthropology: the genesis of ideas]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 3 (86), pp. 171–188.
  15. Keldysh, Iu.V., et al., eds, 1985. *Istoriia russkoi muzyki v desiaty tomah. Tom 3: XVIII vek. Chast' 2* [History of Russian music in ten volumes. Volume 3: XVIII century. Part 2]. Moscow: Muzyka.
  16. Nikolaev, S.I., 1996. Rytsarskaia ideia v pohoronnom obriade petrovskoi epokhi [Knight idea in the funeral rite of the Peter the Great]. In: Panchenko, A.M., Zhivov, V.M., Nikolaev, S.I., Pliukhanova, M.B., eds, 1996. *Iz istorii russkoi kul'tury. T. 3* [From History of Russian Culture. Vol. 3]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, pp. 584–594.
  17. Nikolaev, S.I., 1997. Pompa funebris v Sankt-Peterburge v pervoi polovine XVIII v. [Pompa funebris in St. Petersburg in the first half of the XVIII century]. *Europa Orientalis*, N 16, pp. 179–188.

18. Ogarkova, N.A., 2004. *Tseremonii, prazhnestva, muzyka russkogo dvora: XVIII — nachalo XIX vv.* [Ceremonies, festivals, music of the Russian court: XVIII — early XIX centuries]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
19. Prokop'ev, A.Iu., 2007. Pogrebenie Petra Velikogo: protestantskii standart v pravoslavnoi Rossii [The Funeral of Peter the Great: The Protestant Standard in Orthodox Russia]. In: Vozgrin, V.E., ed., 2007. *Severnaia voina, Sankt-Peterburg i Rossiia v pervoi chetverti XVIII v.: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* [The Great Northern War, Saint Petersburg and Russia in the First Quarter of the Eighteenth Century]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, pp. 47–67.
20. Prokop'ev, A.Iu., 2017. 1725 g. i opyt memorial'nykh izdaniy v Rossiiskoi imperii [1725 and the experience of memorials in the Russian Empire]. *Rossiiskaia istoriia*, 3, pp. 59–79.
21. Burlaka, D.K., Kara-Murza, A.A., Netuzhilov, K.E., Poliakov, L.V., Svetlov., R.V., eds, 2003. *Petr Velikii: pro et contra. Lichnost' i deianiia Petra I v otsenkah russkikh myslitelei i issledovatelei* [Peter the Great: pro et contra. The personality and deeds of Peter I in the assessments of Russian thinkers and researchers]. Saint Petersburg: RHGI.
22. Rożek, M., 1976. *Uroczystości w barokowym Krakowie.* Kraków: Wydaw. Literackie.
23. Rożek, M., 1995. *Wawel i Skalka panteony polskie.* Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
24. Solomon, H.M., 1972. *Public welfare, science and propaganda in seventeenth century France.* Princeton: Princeton University Press.
25. Talberg, F., 2003. *Barklai de Tolli i Baltiiskii kraj* [Barclay de Tolly and the Baltic Territory]. Riga: Fond zhurnala “Istoriia Latvii”.
26. Wasilewski, T., 1984. *Ostatni Waza na polskim tronie.* Katowice: Wydaw. Śląsk.
27. Wójcik, Z., 1997. *Jan Kazimierz Waza.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.